

единый мордовский литературный язык: за и против

М. В. Мосин,
доктор филологических наук, профессор, декан
филологического факультета Мордовского
государственного
университета, председатель Исполкома Ассоциации

Вопрос о создании единого мордовского литературного языка возник еще в 20-е гг. прошлого столетия, а именно в годы появления периодической печати в виде первых газет, издаваемых на разных диалектах, а точнее говорах мордовских языков. Такими газетами были «Чинь стямо» — «Восход солнца» (Ульяновск, 1920 г.), «Якстере теште» — «Красная звезда» (Москва, 1921 г.), «Якстере сокиця» — «Красный пахарь» (Саратов, 1921 г.), «Од веле» — «Новое село» (Пенза, 1924 г.).

В 1922 г. в газете «Якстере сокиця» (№ 10. С. 3) было высказано мнение о необходимости создания единого литературного языка. Позднее, в 1924 г., уже более убедительно оно прозвучало со страниц «Якстере теште» (№ 27. С. 3).

Особая активность и плодотворность в поиске и разработке литературных норм мордовских языков проявились в первой половине 1930-х гг. Актуальнейшим вопросам нормализации литературных языков: выбора мордовских говоров в качестве основы литературных языков, разработки и принятия орфографических правил и морфологических норм, установления грамматической терминологии — был посвящен ряд научно-языковых конференций (1933—1938 гг.).

В процессе развернувшихся бурных дискуссий относительно конкретных особенностей орфографии, морфологических форм, терминосистемы и основ алфавита (кириллицы или латиницы) проблеме единого литературного

языка на конференциях особого внимания не уделялось. Однако те, кому была не безразлична судьба мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, возвращались к ней вновь и вновь.

В 1955 г. на научной конференции по вопросам мордовского языкознания известный филолог-лингвист М. Н. Коляденков (на фото) сделал доклад на тему «Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков». Ниже приведены основные положения доклада, касающиеся общностей и возникших различий между мокшанским и эрзянскими языками.

«...За последнее время в печати и устных выступлениях появились утверждения о том, что эрзянский и мокшанский языки в современном их состоянии являются не языками, а диалектами. Сторонники этого взгляда выдвигают проблему сближения мордовских литературных языков с тем, чтобы на основе этого сближения и в конечном счете их слияния прийти к единому общемордовскому языку.

Насколько разошлись мордовские, эрзя и мокша, языки в их современном состоянии, прекрасно прослеживается на материале этих языков: большие различия обнаруживаются как в словарном составе мордовских языков, так и в их грамматическом строе и особенно в фонетике.

При сравнении основного словарного фонда эрзянского языка с основным словарным фондом мокшанского языка выявляется следующая картина:

© М. В. Мосин, 2008

1. Обнаруживается значительное количество слов, общих для обоих языков, однако различающихся в контексте ударением. Примеры: *ведь* «вода», *мода* «земля», *вирь* «лес», *кал* «рыба», *ломань* «человек», *лов* «снег», *якамс* «ходить», *сермадомс* «писать», *кочкамс* «выбрать», «избрать», *морамс* «петь» и т. п.

2. Но громадное большинство слов, составляющих костяк обоих языков, — это слова, разные по своему звуковому составу, но имеющие общую историческую основу: эрз. *ойме*, мокш. *вайме* «душа», эрз. *сея*, мокш. *съява* «коза», эрз. *седей*, мокш. *седи* «сердце».

3. Грамматически мордовские языки характеризуются: общей основой системы склонения, выражающейся в общности рядов склонения: 1) основного — эрз. *кудо*, мокш. *куд* «дом»; 2) указательного — эрз. *кудось*, мокш. *кудсь* «дом тот»; 3) шести рядов притяжательного: а) ряд «мой» — эрз. *кудом*, мокш. *кудозе* «мой дом»; б) ряд «твой» — эрз. *кудот*, мокш. *кудце* «твой дом»; в) ряд «его» — эрз. *кудозо*, мокш. *кудоц* «его дом»; г) ряд «наш» — эрз. *кудонок*, мокш. *кудоньке* «наш дом»; д) ряд «ваш» — эрз. *кудонк*, мокш. *кудонте* «ваш дом»; е) ряд «их» — эрз. *кудост*, мокш. *кудсна* «их дом».

Таким образом, анализируя основной словарный фонд мордовских языков и их грамматику, мы прослеживаем общности в древнейших пластах этих языков: в корнях слов, в основах грамматики. То, что общее в основном костяке словарного фонда, — есть общность историческая: эрз. *теле*, мокш. *тяла* «зима», эрз. *потомдомс*, мокш. *пандомс* «заткнуть», «закупорить», эрз. *седе*, мокш. *сиде* «частый» и т. п. (см. также приведенные выше примеры).

Далее в том же докладе М. Н. Коляденков отмечает: «Мы установили, что мордовские, мокшанский и эрзянский, языки представляют собой результат распада общемордовского языка-основы, получившегося вследствие распада единого мордовского племени, говорившего на общем языке. Это позволяет нам утверждать о наличии общего древнемордовского языка и ставить проблемы его изучения (курсив наш. — М.М.). Ядро (большинство корневых слов и корней слов) основного словарного фонда и основы грамматики (основное склонение, общие ряды склонения и спряжения) современных мордовских, эрзянского и мокшанского, языков сложились в общемордовской среде (в древнемордовском языке), почему современные мордовские, эрзянский и мокшанский, языки обнаруживают ярко выраженный общенародный (общемордовский) характер»¹.

Позднее, начиная с 60-х вплоть до 90-х гг. прошлого века, развитию мордовских литературных языков должного внимания не уделялось. В тот же период по существу произошло их вытеснение из школы. Только в начале 1990-х гг. в связи с демократизацией общественной жизни научная и творческая интеллигенция обраща-

ется к проблемам национального возрождения, проявляя особый интерес к состоянию мордовских языков. Был издан ряд статей, посвященных этой теме, а именно: «Основные тенденции развития мордовских языков» (Д. В. Цыганкин, 1985), «Мордовские литературные языки: насущные проблемы» (Д. Т. Надькин, 1993) и др. Многие аспекты литературных языков были конкретизированы и

обобщены в вузовских и школьных учебниках и учебно-методических пособиях, при составлении и издании словарей различного типа.

В 1992 г. при Мордовском университете был проведен симпозиум по теоретическим вопросам мордовских литературных языков, а в 1993 г. на Республиканской языковой конференции «Язык: проблемы, нормы и перспективы» пересмотрены и утверждены нормы мокшанской и эрзянской орфографии, орфоэпии и пунктуации.

Именно в 1990-е гг. в финно-угроведении возродилась идея объединения мокшанского и эрзянского литературных языков в общемордовский литературный язык. Особенно активно она стала обсуждаться после VIII Международного конгресса финно-угроведов, прошедшего в Финляндии в г. Ювяскюля в 1995 г. Вопросам уральских литературных языков на конгрессе был посвящен специальный семинар, где рассматривались возможности и способы создания единых литературных языков для тех финно-угорских народов, в которых в силу исторических причин параллельно существуют нормы на двух или более диалектах.

Инициаторами создания единого литературного языка на семинаре выступили венгерские ученые Габор Зайц и Ласло Керестеш и итальянский исследователь мордовских языков Данило Гено. В своих выступлениях они довольно аргументированно обосновали не только причины и необходимость, но и пути и способы достиже-

ния этой цели. Их аргументы были опубликованы в книге «Zur Frage der uralischen Schriftsprachen» — «Вопросы уральских литературных языков»², вышедшей в г. Будапеште в 1995 г.

По сути, все иностранные участники семинара одобрили идею создания единого общемордовского литературного языка. Вот фрагменты мнений некоторых исследователей:

Габор Зайц: «...структуру и лексику двух мордовских литературных языков можно считать тождественной на 80 %, т.е. в среднем при сравнении можно заметить разницу только для каждого пятого языкового знака (морфологического или этимологического). Таким образом, с научной точки зрения языковые различия вряд ли мотивированы и, кроме того, нежелательны потому, что они мешают усилению единого национального сознания. Уменьшают шансы сохранения мордовского языка. <...> Рассматривая вкратце положение мордовского народа, я считаю, что в наши дни, вне всякого сомнения, в последний раз в истории мордовский народ стоит перед выбором. Если мордовская интеллигенция, и в том числе преподаватели и студенты университетов и высших школ, признают важность единого мордовского национального самосознания в интересах сохранения мордовского языка и народа, они начнут бороться за единый национальный язык, являющийся одним из средств этого процесса»³.

Ласло Керестеш: «Я по-прежнему придерживаюсь того мнения... и не я один, что различия между диалектами эрзя и мокша далеко не так велики, чтобы можно было говорить о двух разных языках. При трезвом подходе, путем объединения норм языка, его сознательным развитием, также эффективным школьным обучением и воспитанием еще не поздно довести до сознания молодого поколения мордвы важность и значение единого национального сознания и национальной идентичности. Если этого не будет — даже в том случае, если мордовский народ и язык и смогут сохраниться на протяжении тысячелетий, — есть опасность потери национального самосознания, а затем и русифицирования. Для получения горячо желаемой автономии, самоопределения, права на пользование национальным языком необходимо выработать единый литературный язык... которым могли бы пользоваться в области обучения, науки, администрации, государственного управления. <...> До сегодняшнего дня наиболее авторитетный исследователь мордовского языка и диалектов финн Хейкки Паасонен на протяжении всей своей деятельности занимался мордовскими языковыми явлениями, не различая их как с точки зрения истории, так и с точки зрения хрестоматии мордовского языка. На вопрос *сколько мордовских языков существует* я отвечаю в духе Хейкки Паасонена: *один мордовский язык... должен быть!* И сам я думаю, что разработка единого мордовского литературного языка в настоящее время является основополагающим вопросом единства мордовского языка и народа, а также становления мордовской нации. Скорейшее решение этого вопроса — ответственнейшая задача современного поколения

À. Ì. Ðžýáá

Ö. Iänñíáí

мордовских ученых»⁴.

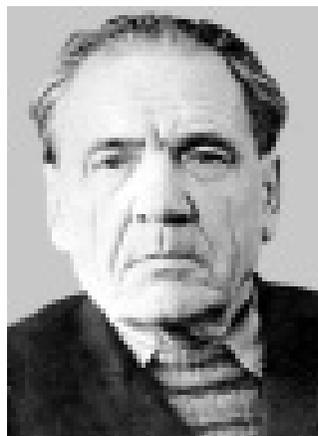
Данило Гено: «В 20—30-е годы нашего века для мордовского народа были созданы два литературных языка: мокшанский и эрзянский. Основные расхождения между ними носят фонетический, грамматический и лексический характер. Однако эти различия в сущности не представляют собой непреодолимой преграды с точки зрения создания единого литературного мордовского языка. Действительно, указанные расхождения могут рассматриваться как диалектные варианты одного языка. На мой взгляд, одной из посильных задач, встающих перед мордовской интеллигенцией, является содействие установлению такого общего языка посредством издательской деятельности, средств радио и телевидения»⁵.

В настоящее время идея создания единого мордовского литературного языка начинает обсуждаться и в мордовской общественной среде, однако отношение к ней весьма неоднозначное. На наш взгляд, создание единого литературного языка — это один из лучших путей реанимирования обоих мордовских литературных языков из их четвертьфункционального состояния. Почти каждый народ мира, говоря на многих диалектах родного языка, в течение ряда лет создал или создает свой единый литературный язык, так как это — высший уровень и символ его единства, государственности и познания мира. Если быть народу, то он обязательно должен иметь вершину своей культуры, имя которой — литературный язык. В свое время история сыграла злую шутку с мордовскими языками, создав из двух близких языков на базе их родных диалектов две литературные нормы. В результате минимальной функциональности на протяжении более 70 лет эти языки стали почти неиспользуемыми; в мордовских селах говорят на своих говорах, в городах мокшане и эрзяне общаются между собой на русском языке. Создание единого литературного языка ровно в два раза облегчит возможности перехода от одностороннего мордовско-русского двуязычия к двустороннему двуязычию: мордовско-русскому и русско-мордовскому. Только в этих условиях престиж единого мордовского литературного языка поднимется на должный уровень. Тогда русская-

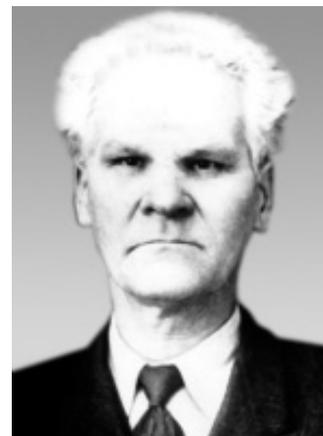
между мокшанским и эрзянским языками, на которых М. Н. Коляденковым обосновывалось наличие двух литературных языков, представляются не настолько бесспорными, чтобы отказаться от идеи создания единого мордовского литературного языка. Например, в фонетике нельзя считать препятствием для этого различие между мокшанским и эрзянским языками в системе ударения, когда в мокшанском языке оно, как правило, падает на первый слог, а в эрзянском — на любой слог одного и того же слова, не неся смысловозначительной функции. К тому же общеизвестно, что в письменной речи ударение остается неиспользованным в обоих языках. При различиях в составе фонем: в эрзянском — 5, в мокшанском — 7; в системе согласных: в мокшанском дополнительные — особые звуки *р^х*, *л^х*, *й^х* и в процессе работы над созданием единого литературного языка можно применить два пути разрешения проблемы. Первый — это параллельное использование фонетических форм, т. е. их варьирование, что широко практикуется и в других языках. Второй — отказ от введения в единую литературную норму из мокшанского труднопроизносимых согласных *р^х*, *л^х*, *й^х*. Правда, по поводу таких предложений могут возникнуть возражения демагогического характера у тех, кто захочет увидеть в этом намерение ликвидировать особенности того или иного языка. Но разве в современные мокшанский или эрзянский литературные языки введены все без исключения особенности их диалектов? Отнюдь нет, о чем прекрасно осведомлены все, кто начинает изучать литературный язык в школе или даже в детском саду. Например, в эрзянских говорах сел Кочкуровского района Республики Мордовия также наличествуют согласные *р^х*, *л^х*, *й^х*, а в говорах шугуровского диалекта эрзя-мордовского языка — фонема *д* и редуцированный *л*⁶. Однако эти фонетические особенности в эрзянском литературном языке отсутствуют. Общеизвестно, что ни в один из литературных языков мира не введены все особенности их говоров или диалектов.

Относительно лексической системы М. Н. Коляденков для обоснования двух литературных языков выдвигает следующие аргументы: а) наличие определенного количества слов, «...присущих только одному из языков, типа эрз. *скал*, мокш. *тракс* «корова», эрз. *реве*, мокш. *уча* «овца» и т.п.; б) «...слова разные по своему звуковому составу, но имеющие общую историческую основу», типа: эрз. *ойме*, мокш. *вайме* «душа», эрз. *седей*, мокш. *седи* «сердце» и т. д. Становится совсем непонятным или даже абсурдным, когда из лексических диалектизмов и тем более всевозможных заимствований создаются синонимические ряды мокшанского или эрзянского современных литературных языков, но эти же слова, оказываясь, не могут выступать вариантами единого мордовского литературного языка. В последнем случае они, по мнению М. Н. Коляденкова, считаются различиями, мешающими объединению двух близкородственных литературных языков.

Учитывая вышесказанное, проблему различий можно решить за счет расширения синонимических рядов из исконной лексики, типа: эрз. *паро*, *вадря*; мокш. *цеберь*,

Ӏ. Ӏ. Etëyääiëtä

Ö. E. Iäðäðáóðãñëëéé

зычному человеку не придется гадать на кофейной гуще: какой из мордовских языков ему изучать — мокшанский или эрзянский?

Противники идеи единого литературного языка ищут «уникальность» в сложившихся двух литературных нормах, ссылаясь на то, что при создании единой литературной нормы мордва потеряет оба своих языка, в результате чего исчезнет и сама. Такие панические суждения возникают потому, что начиная со второй половины 30-х гг. после профессоров А. П. Рябова и Ф. И. Петербургского мордва, по сути, не занимается совершенствованием создавшихся языков, а просто держится за них, опасаясь, «как бы чего не вышло». Но есть элементарные аргументы, легко опровергающие панические суждения. При двух литературных нормах, как известно, до сих пор в нескольких селах существует уникальный шокшанский диалект. В этих селах дети в школе изучают мокшанский литературный язык и без особого напряжения овладевают им, а разговорным языком остается шокшанский диалект, основой которого является эрзянский язык. Приведенный факт однозначно опровергает доводы тех, кто опасается потери мокшанского и эрзянского разговорных языков.

Языковеды знают: еще ни один литературный язык мира не уничтожил ни одного своего диалекта или говора. Общепризнанно, что даже тот диалект, на базе которого созданы литературные нормы, сохраняет и развивает свои уникальные особенности. Тем более единая литературная норма никак не может посягать ни на один этнос. Эрзяне с. Кеченьбие (Жабино) Ардатовского района из-за единого литературного языка не отвергнут свой говор и не превратятся в мокшан или инопланетян, так же и мокшане с. Мордовское Паево Ковылкинского района не станут эрзянами или инопланетянами. Естественно, единую литературную норму никто не собирается создать в одночасье. Это работа многих десятков лет, требующая организации специальной авторитетной комиссии, а также целого коллектива специалистов, постоянно работающих над кодификацией нормы языка.

Исходя из вышесказанного аргументы о различиях

диал. *пара* «хороший»; эрз. *важомемс*, мокш. *покадемс* вместо русского *роботамс* «работать» и т. д. Например, в мокшанском литературном *туця* «туча» можно элементарно заменить древнемордовским *пель/пяль* «туча»; в эрзянском русское заимствование *шуба* — мокшанским *ор* «шуба»; в эрзянском русское *стол* мокшанским *тувор* «стол»; в мокшанском русское *народ* — общемордовским *раське* «народ, нация». К тому же слово *тувор* в значении «стол» наличествует в говоре эрзянского села Иванцево Лукояновского района Нижегородской области. За последние годы при исследовании диалектов и говоров обоих мордовских языков обнаружено большое число общемордовских слов, которые до сих пор не зафиксированы ни в мокшанском, ни в эрзянском литературных языках.

Работа по восстановлению исконной лексики существенно расширит и обогатит лексическую систему предлагаемого единого литературного языка. Наглядным примером этого служат многие литературные языки. Так в финском литературном используются многие лексические диалектизмы из трех и более диалектов.

При рассмотрении грамматических особенностей М. Н. Коляденков перечисляет много основных черт, подтверждающих большую общность в самой структуре мокшанского и эрзянского языков. Вместе с тем, придерживаясь позиции распада общемордовского языка-основы, он ссылается на существенные различия, препятствующие, по его мнению, созданию единого литературного языка. Перечисленные М. Н. Коляденковым различия в морфологии действительно настораживают некоторых сторонников наличия двух литературных норм.

На наш взгляд, в мордовском языкознании создалось мнение, что литературная норма — это раз и навсегда установленная аксиома. Она даже стала отождествляться с нормой экономической — «бухгалтерской», означающей, например, что за 1 трудодень нужно скосить косой вручную 25 соток ржи. Но в общем языкознании при определении понятия литературной нормы признается явление вариантности или вариативности. Так, в энциклопедическом словаре по лингвистике указывается: «...литературная норма — это не только стабильный и унифицированный, но и значительно дифференцированный комплекс языковых средств,

предполагающий сохранение целого ряда вариантов»⁷.

Именно на основе теории вариантности и ее практического внедрения при создании единого языка можно преодолеть имеющиеся препятствия. Для разрешения проблем в единый литературный язык можно допустить морфологические варианты обоих мордовских языков, например, формы инессива: мокш. *кудса*, эрз. *кудосо* «в доме», формы датива: мокш. *кудонди*, эрз. *кудонень* «дому» и т. п. Подобная грамматическая синонимия наличествует почти в каждом языке. Сравним в эрзянском: *сон кортась тонь эйтэ* и *сон кортась тондеть* «он говорил о тебе». В первом случае реред нами — послеложная конструкция, во втором — использование формы отложительного падежа. Если в рамках эрзянского литературного языка существуют нормы *кундань нармунь* и *кундазь нармунь* «пойманная птица», т. е. грамматическая синонимия используется, то разве наличие мокшанской формы *кундаф нармонь* «пойманная птица» можно считать различием, мешающим созданию единого языка? Разве возможен такой парадокс в грамматической логике?

В связи с морфологическими различиями Ласло Керестеш отмечает: «Литературной практике предстоит решить, какие варианты более приемлемы. По-моему, их параллельное использование — во всяком случае вначале — должно быть обязательно разрешено»⁸.

Разумеется, создание норм единого языка, как и овладение ими, первоначально потребует определенного напряжения и усердия. Но разве без непосредственного изучения, например, мокшанка из Пензенской области может овладеть нормами современного мокшанского литературного языка или эрзянин из Бугурусланского района Оренбургской области будет знать систему и нормы современного эрзянского языка? Без сомнения, нормы надо учить даже тому мокшанину или эрзянину, на базе чьих говоров созданы литературные языки.

По нашему мнению, основная трудность заключается не в создании единого мордовского литературного языка, не в поисках соответствующих способов и методов, а в том, что мы — мокшане и эрзяне — мало пользуемся родным языком в процессе своей жизнедеятельности. Отсюда мы плохо знаем лексическое богатство даже одного из этих языков: мокшане — мокшанского, а эрзяне — эрзянского. Такое отношение мокшан и эрзян к своим родным языкам весьма точно определила лектор финка Туула Невала, читавшая курс финского языка на филологическом факультете Мордовского государственного университета. Выступая на III съезде мордовского народа, она сказала: «Плохо, что вы, мокшане и эрзяне, мало говорите на родных языках, но еще невежественнее, вы не слушаете друг друга, когда из вас кто-то говорит на родном языке. Я изучала и знаю только эрзянский язык, но вполне понимаю, когда со мной говорит мокшанин на родном языке».

Исходя из всего рассмотренного выше высказанный Главой Республики Мордовия Н. И. Меркушкиным в Послании Государственному Собранию тезис о необходимости формирования единого литературного языка⁹ представляется весьма актуальным и безотлагательным. Для

реализации этой цели, вероятно, необходимо создать авторитетную комиссию и коллектив, которые под контролем широкой общественности, используя богатство обоих современных мордовских языков и опыт абсолютного большинства народов мира, имеющих единые литературные языки, будут формировать единый мордовский литературный язык. Параллельно факультативно нужно ввести преподавание мокшанского языка для эрзи, а эрзянского — для мокши начиная с детского сада, чтобы буквально с пеленок эрзя и мокша знали, что в наших языках минимум 85 % общего и максимум 15 % различий. Процессы создания единой литературной нормы и система овладения общностью этих языков, а также раскрытия их разницы должны осуществляться компетентно и систематически. При четкой и последовательной организации процесса обучения главным условием совершенствования и развития предлагаемого единого мордовского литературного языка является расширение его функций во всех сферах современного общества.

Примечания

- ¹ Коляденков М. Н. Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков // Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955. Ч. 1. С. 59-68.
- ² Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. = Вопросы уральских литературных языков / под ред. Габора Зайца. Будапешт, 1995.
- ³ Там же. С. 42-44.
- ⁴ Там же. С. 52, 55.
- ⁵ Там же. С. 61.
- ⁶ Цыганкин Д. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 294-395.
- ⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337.
- ⁸ Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. = Вопросы уральских литературных языков. С. 54.
- ⁹ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию. Саранск, 2008. С. 63.

Ключевые слова: мордовский литературный язык, мокшанский язык, эрзянский язык, лексика, фонетика, морфология, синтаксис.

Поступила 21.05.2008